

Такое недомогание заставляло весь его мир кружиться, голова болела до смерти, и хотелось в следующее же мгновение провалиться в беспамятство.

Он даже слова не мог вымолвить, лишь зажмурившись, свернулся калачиком в объятиях женщины. Его дыхание сбилось, а щеки слегка покраснели.

Ци Цзилин всё ещё собирался высказать ему пару резких слов, но, видя такое состояние, у него сердце сжалось от жалости.

Раздражённо взъерошив волосы, он притянул Му Цзэланя к себе, прижал его затылок и прикоснулся своим лбом к его лбу, проверяя температуру. Брови Ци Цзилина тут же сошлись на переносице.

Как же горячо!

Настоящий жар.

Глядя на совершенно сникшего Му Цзэланя, он яростно трепал его по волосам, а его голос звучал так, будто вырывался прямо из горла:

— Голова сильно болит?

Только после того, как он вдоволь растрепал причёску Му Цзэланя, у него на душе стало чуть спокойнее.

Му Цзэлань чувствовал себя одновременно оглушённым и измученным болью, звуки вокруг казались ему словно разбавленными водой.

Он растерянно приподнял веки, посмотрел на Ци Цзилина и тихо отозвался:

— Угу.

Боль была невыносимой — казалось, будто в голове кто-то стучит маленьким молоточком.

— Кто тебя просил на сквозняке стоять? Посреди ночи понёсся во двор, неужели не знаешь, какие ночами весной холода?

Ци Цзилин посмотрел на его хрупкий и жалкий вид и чуть не выругался вслух.

Хотя он и бранился, руки сами собой потянули одеяло. Укутав Му Цзэланя с головой и крепко прижав к груди, он наконец успокоился.

Му Цзэланю было невероятно плохо, он скривил губы, лишь слегка поткнулся щекой о чужую грудь и произнес чистым, прохладным голосом:

— А-Лин, с днём рождения.

Да, он вчера не просто так лежал во дворе, на это была причина.

Потому что стоило пробить полуночи, как наступал день рождения А-Лина, а заодно и... его собственный.

Услышав это поздравление, Ци Цзилин прищурил персиковые глаза. Он пристально, с неммым тяжелым чувством всмотрелся в закрывшего глаза и державшегося из последних сил Му Цзэланя, прижался губами к его уху и хмыкнул:

— Я уже восемь лет как не праздную дни рождения.

Сам он не понимал почему, но сейчас больной Му Цзэлань раздражал его до зубной боли — так и подмывало как следует его растрепать.

Му Цзэлань слегка затрепетал изнутри. Мучительное недомогание терзало его тело, и на какие-либо эмоции уже не оставалось сил.

Он просто решил промолчать.

А-Лин не празднует день рождения — ну и пусть, он сам устроит А-Лину праздник, и дело с концом.

Они росли вместе с малых лет, и А-Лин звал его не иначе как брат Му.

Но на самом деле он был старше А-Лина всего на два часа.

Видя, что Му Цзэлань вянет на глазах и уже почти не говорит, Ци Цзилин вспыхнул — в его персиковых глазах заплясали раздражение и гнев. Глядя на обмякшего в его объятиях Му Цзэланя, он снова хмыкнул:

— Черт бы побрал этого ублюдка, видимо, я в прошлой жизни тебе задолжал. Мало того, что сам ранен, так еще и должен возиться с таким нежным цветком.

Твою мать!

В конце концов, сжав зубы и смирившись со своей участи, он уложил парня на кровать,

поднялся и, нахмурившись, спросил:

— Где лекарство?

Он хоть и бывал здесь раньше, но всё же прошло целых восемь лет, и он не был уверен на счёт мелочей.

— На старом месте.

Му Цзэлань приподнял веки, бросил взгляд на раздражённую спину Ци Цзилина, и уголки его губ тронула слабая улыбка.

Его собственный двуличный, заносчивый хулиган!

Этот скверный характер совсем не изменился со временем.

— Хорошо.

Линия подбородка Ци Цзилина слегка натянулась. Бросив косой взгляд на постельное сокровище, он отправился искать нужную вещицу в соседний шкаф.

Лекарства лежали в аптечке. Покопавшись внутри, он отыскал жаропонижающее, которое было изготовлено специально для этого хрупкого цветка.

И то верно — разве можно назвать его обычным человеком?

Даже лекарства для него делали на заказ. Обычные жаропонижающие ему категорически не подходили: для других они были безвредны, а у него могли вызвать побочные эффекты.

Затем он налил в кружку горячей воды и вернулся с ней к кровати.

Заметив, что Му Цзэлань лежит с крепко зажмуренными глазами и нахмуренными бровями, Ци Цзилин невольно ускорил шаг.

Поставив кружку и лекарство на тумбочку, он присел на краешек кровати, подхватил парня на руки и хмуро бросил:

— Пей лекарство.

Всего два слова, и тон далёк от ласкового.

Но он даже сам не заметил, как глубокая тревога затаилась в изгибе его бровей и в самом взгляде.

— Угу.

Му Цзэлань от природы отличался хрупким телосложением, а сейчас у него и вовсе не осталось сил. Он целиком обмяк в чужих объятиях, даже глаза открывать не желая.

Он лишь послушно следовал указаниям: выпил лекарство, запил водой.

Сделав пару глотков горячей воды, он отвернулся.

Ци Цзилин почувствовал раздражение и досадное уныние.

Прижавшись кончиком языка к зубам с внутренней стороны, он опустил губы к самому уху Му Цзэланя, и его голос прозвучал низко и хрипло:

— Пей давай, хватит мне тут устраивать представления! Для кого ты эту кислую минду строишь?

Его голос звучал невероятно притягательно и в то же время сквозил злой, дразнящей ноткой.

Му Цзэлань вздрогнул, приоткрыл глаза, исподлобья взглянул на него и холодно фыркнул:

— Для тебя.

Стоило ему приподнять уголки глаз, как болезненный румянец придал его взгляду манящую, соблазнительную глубину.

От этого зрелища в персиковых глазах Ци Цзилина вспыхнули искры, и из глубины его горла вырвалось:

— Кажется, черт поberi, ты вовсе не температуришь, а бесишься с жиру.

Прижав стакан к губам Му Цзэланя, он смотрел на него взглядом голодного волка и снова прошептал ему на ухо:

— Для меня? Муму, если ты будешь строить мне такие глазки, мне захочется затаскать тебя до полусмерти.

Эти слова мгновенно залили щеки Му Цзэланя густым румянцем.

Перед ним по-прежнему стоял тот самый неисправимый, дикий А-Лин, который вечно болтал языком без всяких тормозов.

Му Цзэлань отлично знал, что А-Лин привык делать всё по-своему, и уж если он что-то ляпнет — то обязательно исполнит.

Поэтому испытывать судьбу он больше не смел и послушно сделал еще несколько глотков горячей воды.

Стоило ему немного попить, как под одеялом на его лбу выступили крупные капли пота.

— Допивай до конца.

Ци Цзилин опасно прищурился и силой заставил его опустошить стакан.

Убедившись, что на дне не осталось ни капли, он остался доволен.

Убрав стакан, он снова забрался на кровать и прижал парня к груди:

— Голова всё еще болит?

— Угу, — отозвался Му Цзэлань.

Его тело отличалось от других, а нервные окончания были в несколько раз чувствительнее, чем у обычных людей.

Удвоенная боль для него ощущалась как трещина в кости, а для кого-то другого — как полноценный перелом. Ощущения были соответствующими...

Даже от простого укола иглой у него на лбу выступал пот.

Хотя в последние годы он стал реже получать травмы и болеть, и ему стало намного легче, повышенная чувствительность никуда не делась.

— И впрямь, я у тебя в должниках.

Ци Цзилин всё же не мог по-настоящему злиться на него. Его длинные, чётко очерченные пальцы легли на горячий лоб парня и принялись мягко массировать кожу.

Эту привычную заботу он повторял бесчисленное количество раз с самого детства.

Теперь же его руки двигались сами собой, легко и привычно.

Брови Му Цзэланя разгладились, а уголки губ чуть приподнялись.

На мгновение ему показалось, будто он снова вернулся в те дни юности.

Тогда его лекарства всегда лежали у А-Лина, а когда он болел, за ним ухаживал А-Лин.

Стоило ему что-то потерять — А-Лин тут же находил пропажу, а если кто-то смел его обидеть — А-Лин первый бросался в драку.

Перед ним А-Лин был невыносимо язвителен и вёл себя как заправский хулиган, но стоило выйти на улицу — никому не позволялось обидеть его ни единым словом.

Если же кто-то выводил его из себя, крепкий и сильный А-Лин оттаскивал его за угол, трепал по волосам и отчитывал на чем свет стоит.

Но после всего этого оставался тем же самым А-Лином, который носил в кармане его лекарства и надежно защищал его от любых невзгод.

Под мягкими движениями пальцев подействовало лекарство, головная боль понемногу отступила, и он незаметно погрузился в сон.

Увидев, что Му Цзэлань заснул, Ци Цзилин наконец остановился.

Долго глядя на его расслабленное лицо, он слегка улыбнулся уголками губ и хмыкнул:

— Ах ты нежный цветочек, черт бы побрал, как же ловко ты меня приручил.

Его слова растворились в тишине комнаты, но в персиковых глазах вспыхнула такая нежность и глубинная ласка, какой он никогда и никому не показывал при посторонних.

<http://bllate.org/book/21914/2276783>